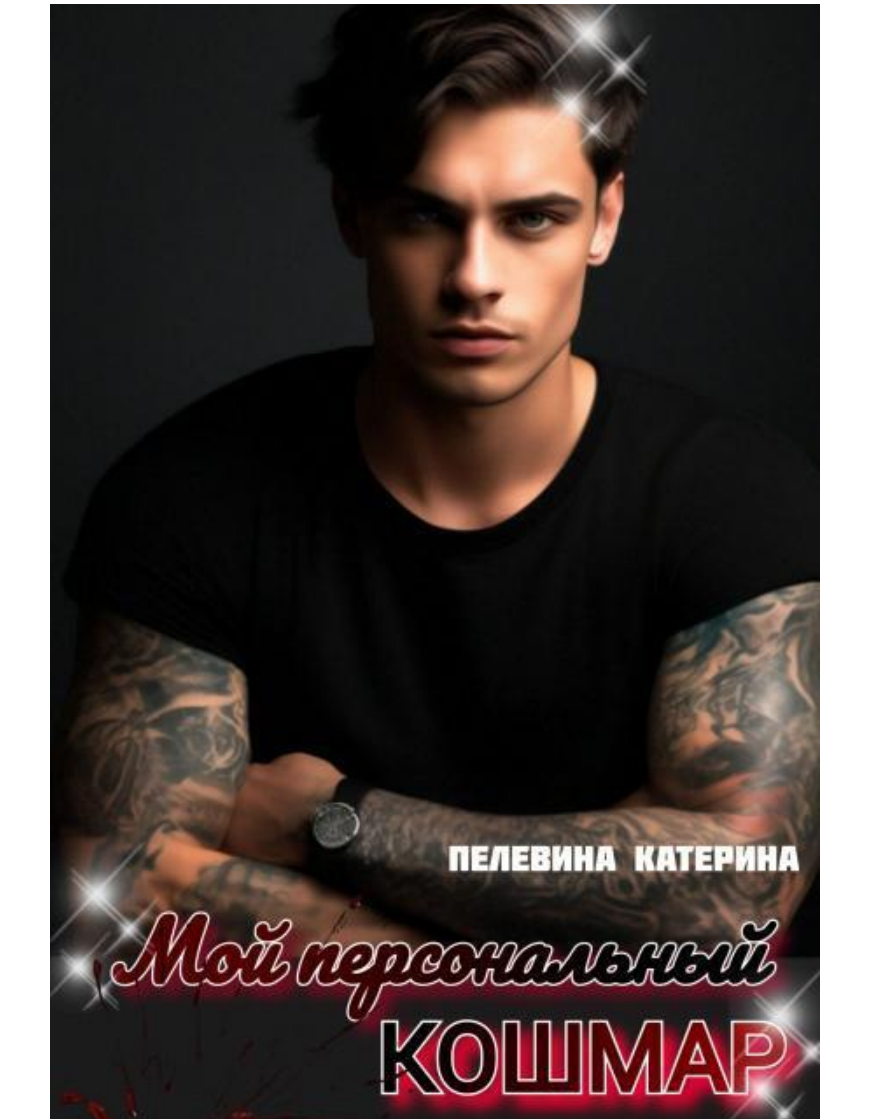

A portrait of a young man with dark, wavy hair and light-colored eyes, looking directly at the camera. He has extensive tattoos on both arms and is wearing a black t-shirt and a black wristwatch on his left wrist. The background is dark, and there are some bright, star-like light effects in the upper right and lower left corners.

ПЕЛЕВИНА КАТЕРИНА

Мой персональный
КОШМАР

Пелевина Катерина

Мой персональный кошмар

<https://litres.ru/74221453>

Аннотация

Ублюдок разворачивает меня к себе лицом и смотрит в глаза, сканируя мой внешний вид. Я трясусь, моё плечо оголено, а он дышит на меня своим ядовитым парализующим дыханием и будто изучает, как открытую книгу. – Трусиха, – цедит со злостью, сверкая своими зелёными глазами. – Не хочешь ударить? А? Отпускает свою руку с моих губ, а я чувствую, как всё тело горит от его болезненных прикосновений. Словно меня обожгли и пометили. Безмолвно плачу и зажимаю глаза, чтобы не видеть его ужасающего лица. Нет, Ленский не страшный. Но он точно не дружит со своей головой. Даже более чем. Он напоминает мне психопата, сбежавшего из клиники. – Отпусти... Он неожиданно отходит, а я сползаю вниз по дверной поверхности. Меня не просто колотит, а мотает из стороны в сторону, как парусник в ураган. Я тону. И, очевидно, никогда не выплыву обратно... #наглый жестокий герой #хэ #много нецензурной лексики #разница в возрасте #студент и преподаватель

Содержание

Пролог	4
Глава 1.	14
Глава 2.	38
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Пролог

Он появился в моей жизни, когда я уже преподавала в нашем университете второй год. Если честно, сначала я вообще не обращала на него внимания, как на студента. Он казался мне обычным парнем. Избалованным, да, возможно в какой-то степени отличающимся. Потому что он был более угрюмым и заносчивым, но в целом не вызывал какого-то особенного к себе отношения. Ровно до того момента, как меня не поставили преподавать у них в группе. Вот тут то всё и началось. Я вдруг осознала, что мой кошмар только начинается...

Начало октября. За окном серость, в душе тоска. Если честно, всё могло быть намного хуже, но моему характеру присущи пессимистичные ноты. И я смертельно от всего устала. Даже если лето только недавно закончилось. Однако в моей жизни уже успели случиться негативные события, которые совсем выбили меня из колеи...

– Викторов, встаньте, – прошу одного из студентов, вздыхая. – Так пойдёте решить уравнение? Или мне сделать это за Вас?

Я крайне редко унижаю студентов или высказываю им, но сегодня всё идёт наперекосяк, а они так тупят, да ещё и шумят во время моих объяснений, что я не могу держать себя

в руках.

– Елизавета Сергеевна, можно я завтра...

– Можно, Ваня, садитесь... Так что? Решится кто-то или я продолжу, а вы все, наконец, начнёте слушать? – отворачиваюсь я к доске, чтобы начать писать, но интерактивную ручку вдруг перехватывает тот самый странный Давид Ленский. Станный, потому что ни ответа, ни привета. Он напряжённо пишет на доске решение, пока я сглатываю и смотрю на это со стороны. Я знаю, он вроде как семи пядей во лбу по вышке, но поведение у него, конечно, вызывает множество вопросов.

Рука так быстро движется. Движения чёткие и резкие, словно он не пишет, а скачет с одной стороны доски на другую. Волосы, как всегда, торчат, брови сведены на переносице до глубокой мимической морщины, а взгляд при этом направлен чётко на свою писанину.

– Ну, как? – спрашивает, прищурившись. Практически съедает меня своими жуткими зелёными глазами. А глаза у него реально какие-то не от мира сего. Я раньше таких не встречала. В них будто живёт что-то потустороннее, даже если я вовсе не верю в мистику. Но чувство, что оно какое-то недоброе.

– Правильно, – отвечаю, словно это он преподаватель, а я так... Только что в универ поступила. Даже дышать становится сложнее. Голос дрожит. И мне отчего-то кажется, что он будто нарочно играет на моих нервах. – В следующий

раз, Ленский, пожалуйста, вызывайтесь и спрашивайте разрешения. – выдаю напоследок, но он с таким грохотом кладёт ручку на мой стол, что я вздрагиваю из-за этого и просто смотрю вслед его широкоплечей фигуре, которая молча удаляется на своё место.

Боже, брррр... Какой же он пугающий.

Через минут десять после этого заканчивается пара, и я молча жду, когда они все поскорее уйдут. Точнее, он один. Но у меня складывается странное предчувствие, будто он наоборот выжидает, чтобы выйти самым последним.

Замерев в этом моменте, сижу неподвижно, как лань, которая чувствует опасность на расстоянии, а он спускается, проплывая мимо моего стола и леденя меня своим суровым разгневанным взглядом...

О, боже... Прошёл. Слава Богу.

Сердце отчеканивает в груди дикие стуки, будто марширует.

Только не успеваю я выдохнуть, как он резко подходит сзади, склоняется к моему плечу и шепчет:

– Елизавета Сергеевна, Вы побледнели... Врача не нужно вызывать?

Я вдруг вздрагиваю и отпрыгиваю от него в ужасе, схватившись за грудную клетку, а он выпрямляется и хохочет.

– Я что-то сказал? Или сделал? – надменно вскидывает бровь.

– Что тебе от меня нужно?! – выпаливаю в бешенстве. –

Пара закончилась! Просьба покинуть мой кабинет, Ленский!

– Дёрганная училка, – бубнит себе под нос с ухмылкой. У меня даже дар речи пропадает. Училка??? Да как он вообще смеет! Хамло невоспитанное! Дикарь!

– Пошёл вон! – добавляю напоследок, но он вдруг останавливается и идёт на меня тараном, а я просто трясусь на месте, как какая-то сопливая девчонка.

Вообще такого не ожидала, но меня нагло впечатывают своим телом в стол. Я приподнимаюсь на носочках, испытывая боль от столешницы на бёдрах. И получается так, что сажусь перед ним, а он продолжает давить. Мои руки автоматически выстраиваются вперёд на его вздымающуюся грудную клетку, и я пытаюсь толкать его, но не выходит. Он намного сильнее.

– Ленский! – начинаю орать во всё горло, и вдруг чувствую его ладонь на своих губах. Давление такое, что я просто мычу себе под нос в истерике, а он склоняется к моему лицу своим. Зелёные глаза уже давно топят меня в своей жестокости, а рука плотнее примыкает к моему рту.

– Как думаешь, если бы я тебя здесь трахнул, тебе бы понравилось? – спрашивает, расстёгивая бляшку на ремне, а я визжу и дерусь, начав плакать. Страшно так, что всё внутри переворачивается. Господи, я сейчас потеряю сознание. А он только ржёт надо мной, будто всё это вызывает у него дикое наслаждение. – Да ладно... Чё ты разнервничалась? Я же пошутил. Не будь такой душнилой, а. Прямо как твои коллеги,

ты же не такая, да, Лиза? М?

Ответить я не могу, потому что он до сих пор блокирует мне доступ к кислороду, зато дрожу перед ним, опасаясь сдвинуться. Но как только у меня появляется одна маленькая возможность ударить его, я тут же её предпринимаю, однако, как итог, только чуть толкаю в грудную клетку.

– Отвали от меня! – прыгиваю со стола и тут же бегу от туда на панике.

– Не рассказывай только никому. Хуже будет, – кричит он мне вслед, пока я удираю, сверкая пятками.

Сначала на автомате бегу в туалет, потому что я вся в слезах и соплях, и мне надо умыться. Сердце стучит как оголтелое. Кажется, что вот-вот пробьёт огромную дыру в груди, и ничего его не остановит.

Я пришла сюда работать ровно год и месяц назад и ещё никогда не сталкивалась с таким неуважением, с такой наглостью и грубостью. Вседозволенностью.

Боюсь идти к декану, но должна. Это уже совсем заходит за рамки приличия. Сначала он просто смотрел... А сейчас... Что себе позволяет, мальчишка?!

Ему девятнадцать, мне двадцать пять. У нас разница шесть лет, и он не имеет никакого права так себя вести. Это низко.

Всё ещё не могу дышать. Еле беру себя в руки и на дрожащих двоих прусь жаловаться.

Декан встречает меня с удивлённым выражением лица,

когда я начинаю с его фамилии. Сама она у нас женщина импульсивная и молодая. А сейчас ведёт себя максимально странно. Я бы даже сказала пытается как-то увильнуть от моих слов.

– Елизавета Сергеевна, Вы успокойтесь, – помогает она мне присесть. – Я решу этот вопрос.

– Да... Как?

– Ничего страшного. Мальчик впредь не будет к Вам подходить.

– Да, но как Вы это сделаете? – переспрашиваю, на что она вздыхает.

– Позвоню его отцу, – заявляет мне, словно это должно мне о чём-то сказать.

– И? Кто его отец?

– А Вы не знаете? Ох, ты, боже мой, Лиза, – продолжает она по-свойски. – Его отец – министр образования и науки нашей области.

Я сейчас завалюсь в обморок прямо здесь. Господи. Мама дорогая. Спасите меня кто-нибудь.

– Ч...Что? – растерянно спрашиваю. Вдруг мне послышалось. А то, как она ласково называет Ленского мальчиком, уже о многом мне говорит. Скорее меня отсюда попрут, чем его...

– Да-да, так что, Елизавета Сергеевна, Вы подумайте... Нужны ли Вам такие проблемы, – вкрадчиво добавляет она, меняя тембр на более тихий и спокойный. – Может лучше...

Ну... дать ему, что он просит...

Нет... Я точно сейчас взорвусь.

Она что... Намекает мне... На... О, Боже...

– Марта Валерьевна... Вы...

– Успокойтесь, Елизавета Сергеевна. Ну, я всё понимаю.

Молодо-зелено. Наглость – второе счастье для богатых подростков. Поймите, что не Вы первая, не Вы последняя... – продолжает она шарманку, а мне становится тошно.

– Я Вас поняла, Марта Валерьевна, можно мне уже идти?

– Да, конечно, идите. И помните, Лиза... О нашем разговоре, – подмигивает она, на что я молча сглатываю скопившиеся от напряжения и страха слюни и покидаю её кабинет.

Обратиться мне не к кому. У меня такой крыши нет. И знакомых подобного рода. А ещё у меня нет мужчины. И можно сказать, никогда его не было. Поэтому меня и защитить некому. И теперь я боюсь даже идти домой.

Оглядываюсь по сторонам в безлюдном коридоре, чувствуя какое-то недоброе влияние со стороны, но никого не вижу и просто бросаюсь вниз по лестнице на следующую пару, на которую и так опоздала аж на целых сорок минут из-за этого гадёныша.

Вваливаюсь в аудиторию, и кровь в моих жилах стынет. Потому что там никого нет, кроме одного единственного человека, который сейчас за моей спиной закрывает дверь на ключ.

– Привет ещё раз... Я же просил... Предупредил...

– Отойди от меня, – я тут же хватаю со стола степлер и пуляю им в него. Правда тот пролетает мимо и ударяется в стену, и я слышу дикий хохот с его стороны.

– Пожаловалась? Ну как тебе? Ответ устроил?

– Ты что... Следил??? Ты... Чего ты вообще добиваешься? Кто ты, чёрт возьми, такой?! – выпаливаю на нервах. Если честно, мне кажется, что если подойдёт ближе, я вцеплюсь в него ногтями и раздеру ему всё лицо.

А он всё загоняет меня, обхаживая преподавательский стол, пока я хожу от него кругами. Ноги подкашиваются, чувствую себя мишенью.

– Ты разве ещё не поняла? – улыбается он как безумец. – Я твой персональный кошмар, Лиза... Думаю, тебе понравится... Иди сюда.

Делая рывок вперёд, он заставляет меня подпрыгнуть на месте и сигануть в сторону двери, но руки так дрожат, что ключ, торчащий в двери, в моих руках становится чёртовым кубиком Рубика, а Давид уже придавливает меня сзади, вновь плотно сжав мой рот своей ладонью.

– Вот чё ты противишься? Всё равно же моей будешь... – выдыхает он в мою шею, второй рукой расстёгивая ткань блузки. И как бы не пыталась ёрзать, у меня никак не получается вырваться из его хватки. Это не пальцы... Это металлические стержни. Которые оставляют следы на моём теле.

Меня ещё никогда так грязно не лапали, и когда он с болью сжимает мою грудь, я чувствую, как из глаз брызжут слё-

зы.

Ублюдок разворачивает меня к себе лицом и смотрит в глаза, сканируя мой внешний вид. Я трясусь, моё плечо оголено, а он дышит на меня своим ядовитым парализующим дыханием и будто изучает, как открытую книгу.

– Трусиха, – цедит со злостью, сверкая своими зелёными глазами. – Не хочешь ударить? А?

Отпускает свою руку с моих губ, а я чувствую, как всё тело горит от его болезненных прикосновений. Словно меня обожгли и пометили. Безмолвно плачу и зажимаю глаза, чтобы не видеть его ужасающего лица. Нет, Ленский не страшный. Но он точно не дружит со своей головой. Даже более чем. Он напоминает мне психопата, сбежавшего из клиники.

– Отпусти...

Он неожиданно отходит, а я сползаю вниз по дверной поверхности. Меня не просто колотит, а мотает из стороны в сторону, как парусник в ураган. Я тону. И, очевидно, никогда не выплыву обратно...

– Елизавета Сергеевна, ну, что же Вы, давайте помогу, – его руки обхватывают меня за талию, и он помогает мне выпрямиться, а я на ногах не стою. Не хочу, чтобы он трогал, а сил в теле нет, будто выкачали. И Ленский трамбует меня на столешницу. – Давай я помогу тебе с сестрой. А ты... Поможешь мне кое с чем другим...

Господи... Что он сейчас сказал??? Эта сволочь знает про Настю???

Я смотрю на него и не моргаю. Не просто ненавижу, а хочу стереть в порошок.

– Откуда ты...

– Брось, я всё о тебе знаю. Начиная с размера ноги, заканчивая... Тебе лучше не знать.

– Ты ненормальный, – огрызаюсь и чувствую, как его цепкие пальцы въедаются в моё лицо, а сам он настолько близко к моим губам, что я начинаю брыкаться.

– Ну дай ты мне уже бой, девочка.

Едва он произносит это, как я со всей имеющейся силы даю ему с колена по яйцам и бегу оттуда прочь, слушая его отборный мат вперемешку с сумасшедшим смехом. Ненормальный неадекватный психопат.

– Ублюдок! – кидаю напоследок.

– Другое дело, Лиза... Сладких тебе снов!!! С нетерпением буду ждать пятницы!

Глава 1.

В пятницу наша следующая пара... Я выбегаю из университета, так как это была последняя на сегодня лекция. У меня старенькая Калдина, и руки дрожат, словно меня заставили отпахать на заводе двойную смену с похмелья. Я не могу даже завести машину. Всю трясёт, как Каштанку.

Как можно быть таким сумасшедшим кретином??? Это же ужасно.

А мне ещё сегодня нужно к Насте. Это моя младшая сводная сестра. Ей пятнадцать и у неё почечная недостаточность. Так вышло, что мы ищем донора, потому что я не подхожу. У нас с ней тканевая несовместимость. Мой орган может не прижиться. А тех огромных денег необходимых для пересадки вне очереди у нас попросту нет.

Так же, как и нет отца и матери. Последняя покинула нас два года назад. С тех пор я взяла ответственность по Настинному воспитанию на себя, оформив опеку.

Признаться честно, с каждым днём её состояние тревожит меня всё сильнее, хоть врач и говорит мне не унывать, внутри всё равно дыра размером со Вселенную. Ведь Настя для меня значит больше, чем кто-либо другой в этом мире. Она – мой смысл. У меня больше никого нет. Я живу и работаю только ради неё и её благополучия.

Кто же знал, что судьба будет так жестока и выстрелит в

самое больное вновь.

Уже месяц как она в больнице. И я не нахожу себе места. Мне одиноко и плохо, будто отобрали самое важное... Каждый день становится всё мрачнее от осознания того, что до-
нора можно ждать бесконечно...

И только когда я приезжаю к ней, стараюсь ничего из этого не показывать.

Универ, где я преподаю даёт необходимые для существования деньги. И где-то мне даже удаётся баловать сестру чем-то необычным.

– Ты пришла, – улыбается она, увидев меня на пороге, а я снова замечаю у неё на тумбочке букет её любимых белых лилий и очередного плюшевого зверя.

– Пришла... У тебя опять целый склад... Врачи?

– Не знаю, медсестра сказала кто-то передал снова... Я соскучилась, Лиза.

– Я тоже... Извини, что вчера не смогла. Завтра обязательно снова приеду.

– У нас тут новенький появился.

– Да? Кто?

– Зовут Паша. Ему семнадцать. У него правая почка.

– Сочувствую... Но симпатичный хоть? – улыбаюсь, заметив, что она покраснела, и она кивает.

– Угу...

– Круто. Я рада. Я тебе привезла... То, что разрешили из фруктов и ещё... Вот...

– Красивая какая, это мне? – она перенимает кофту, которую я специально для неё купила в известном бутике. Пушистую. Мягкую и очень сейчас модную. Всю премию убила на неё, просто чтобы порадовать...

– Конечно. Кому же ещё? – улыбаюсь, убирая волосы с её лица. – Ты как себя чувствуешь?

– Нормально, а ты? Лиз... У тебя вид какой-то... Заплаканный... Случилось что-то? С квартирой?

Слава Богу, нет... Квартира – это всё, что нам досталось от родителей. Хоть и однушка, но и на том огромное спасибо. Я бы не потянула сейчас ещё платить ипотеку или снимать.

– Нет, малыш, всё хорошо... Один студент есть... Просто он... – мямлю я, пытаюсь подобрать слова, а она перебивает:

– Достаёт тебя?

– Да, вроде того. Не бери в голову, я справлюсь.

– А помнишь ты говорила, что мальчики достают, когда ты им нравишься?

– О, боже... Насть... Это не то.

– Лааааадно, – отмахивается сестра, хихикая. – Вот и у меня было не то. Ведь тот самый Вадим бил меня учебником по голове.

– Я уже и забыла, как он перестал...

– Я столкнула его с шестого этажа, – шёпотом сообщает Настя, заставив меня рассмеяться.

– Дурочка.

Мы обе смеёмся, а потом нашу идиллию нарушает врач.

– Так, так, дорогие, хохочете? Это хорошо. Смех нам только помогает...

– Таисия Андреевна, всё хорошо? – спрашиваю, и она кивает.

– Зайдите потом ко мне, Лизонька. Я буду ждать Вас.

– Хорошо, спасибо...

– Думаешь, что-то серьёзное? – спрашивает меня Настя, нахмурившись.

– Нет, не думаю. Всё будет хорошо, уверена.

– Надеюсь...

Мы ещё некоторое время болтаем с сестрёнкой. Я рассказываю ей о лекциях, о маме. А потом у них начинается ужин. Сестрёнка идёт в столовую, а я направляюсь к врачу.

– Лиза, присядьте.

– Что-то не так?

– Всё так, всё так. Я хотела спросить, узнавали ли Вы насчёт кредита?

– Да, узнавала... Мне не дают такую сумму. Максимум семьсот тысяч. А этого ни на что не хватит.

Врач тяжело вздыхает.

– Насчёт очереди пока глухо?

– Она движется, но туда постоянно попадают люди с платным приоритетом, понимаете... Вот так и получается, что... К сожалению, пока ничего нельзя знать заранее.

– Ясно, я вас поняла.

– Но Вы знайте, что мы делаем, что можем.

– Да я знаю, спасибо Вам... Я пойду. Завтра снова приеду.
До свидания...

– До свидания, Лизонька...

Едва выхожу на улицу, как чувствую прохладный ветерок в лицо. Он охлаждает выступившие на глазах слёзы. Не знаю, сколько я ещё смогу плакать. И когда всё это закончится. Я бы так хотела отдать ей свою почку, но не получится... Врачи сказали, не подойдёт... И от этого каждый день проходит больнее.

Домой возвращаюсь в гордом одиночестве.

Последний мой парень бросил меня, едва узнав, что у меня болеет сестра. Что она сейчас лежит в больнице и всё моё внимание уделено ей. Мы с ним и пяти дней не провстречались. До этого был Антон. Но очень-очень давно. Я уже и забыла. Наверное, год назад. В общем, с мужчинами на горизонте сплошной мрак. Я уже начинаю думать, что все они либо трусы, либо психи, либо предатели. Это же настолько нужно разочароваться в жизни, чтобы до такого дойти? Я всегда думала, что у меня буду нормальные отношения, но так их и не нашла, к сожалению...

Готовлю ужин, всё время вспоминая сегодняшний стресс. В итоге у меня соскальзывает нож, и я случайно режу себе палец. Прекрасно. Просто идеальный день. Ни дать, ни взять.

Выдохнуть получается только когда я сажусь за стол и включаю телевизор. Там что-то болтают, а я бесцельно пя-

люсь в одну точку, даже не слушая слов. Зачем включила? Чтобы опять не чувствовать чёртово одиночество...

Ненавижу это состояние тоски внутри. Меня сильно потрепало из-за пережитых кошмаров, так ещё и добавился... Живой. Человек-кошмар. Как вспомню, так вздрогну.

Пужинав, мою посуду и иду в душ. Ещё нужно погладить вещи на завтра и подготовить материал для своих лекций.

Выхожу оттуда, обмотавшись полотенцем и убрав волосы в тюрбан на голове, но внезапно в дверь раздаётся звонок.

Я никого не жду. Вообще никого и никогда, поэтому для меня это жутковато, учитывая, что на часах уже десять, а я в одном полотенце.

Стою и прислушиваюсь. Смотрю в глазок, но там никого нет.

– Кто там? – спрашиваю, замерев, и на секунду мне кажется, что я слышу чьё-то дыхание. – Ау? Кто здесь?

Мне никто не отвечает, и я отхожу, но потом снова слышу звонок.

– Да кто это?! – выпаливаю, хотя голос мой дрожит. В нём нет ни силы, ни уверенности. Только страх. Снова смотрю в глазок, а его будто накрыли рукой. Темнота. – Это не смешно! Я сейчас вызову полицию!

И снова это учащенное дыхание за металлической дверью, которая прямо сейчас отчего-то кажется мне бумажной. Не просто страшно, а жутко. По всему телу проходит лютый холод. Я точно сейчас потеряю сознание.

– Если это ты... Если ты, Ленский, клянусь... – замолкаю, слушая как тарабанит моё сердце. Мне кажется, оно вот-вот вырвется наружу прямо через грудную клетку, проломив и эту чёртову дверь между нами.

Внезапно слышу шаги вниз по лестнице. И тут же бегу к окну. Второй этаж. Только толком ничего не успеваю заметить, кроме выходящей фигуры в тёмном балахоне. Я просто уверена, что это он... Какой же он поехавший. Откуда он взял мой адрес?

Господи, что же мне делать? Он доведёт меня до психиатрической клиники, точно.

Но Марта Валерьевна ясно дала мне понять, что моим жалобам там не рады. И что же мне делать? Написать на него заявление в полицию? А вдруг его отец потом сживёт меня со свету?

Не успеваю додумать мысль, как мне приходит новое сообщение с неизвестного номера.

«Спокойной ночи, Лиза. Молодец, что не открыла».

Господи. Я тут же роняю телефон из рук, и он падает на пол. Ноги дрожат, колени подкашиваются. Я вся на эмоциях из-за его выходок.

Какой же он козёл!

Иду в коридор и снова смотрю в глазок, он так и залеплен чем-то... Но сейчас открывать я не стану. Утром посмотрю. От греха подальше. Как же страшно жить одной. Просто невыносимо.

До самой ночи я не могу уснуть. Номер сразу же внесла в чёрный список. Одежду забыла приготовить. И в итоге бегаю с самого раннего утра, как ужаленная по дому, пытаюсь собраться. Ни лекции не готовы, ни я сама.

На пары я, естественно, опаздываю. Сняла со своего глазка мятную жвачку. Даже приняхалась. Потому что от него пахло именно ей же. Каким-то дико ядерным ментолом. Теперь я уверена на все сто процентов, что это был он.

Сумасшедший. Извращенец.

Но если расскажу декану об этом, она точно скажет, что у меня мания преследования. Хотя этот мальчишка реально перегибает палку. Мне уже начинает казаться, что я попала в какой-то триллер.

Слава богу сегодня нет пар с ним, и я искренне надеюсь, не встретить его в перерывах. Стараюсь никуда особенно не выходить, а когда выходят студенты тут же замыкаюсь изнутри.

Так проходит два дня. Вечерами я езжу к Насте, а потом закрываюсь дома. Чувствую себя затворницей. Эти дни никто не звонит в звонок и телефон мой не трогает, я уже думаю, что всё... Наигрался и отпустило. Радуюсь этому, как ребёнок деду Морозу, но в пятницу с самого раннего утра вижу на своём столе упаковку цветастого пластыря и маленькие медицинские ножницы. Меня не просто трясёт, я не знаю, куда себя деть. Что это ещё за игры такие?

Поворачиваю голову и вижу на интерактивной доске по-

слание.

«Доброе утро, Лиза. Этот красивее. Надень его».

Дрожь бежит по телу волной. И я понимаю, что он даже пластырь на моём пальце разглядел за эти дни. Значит, наблюдал за мной... Значит, всё ещё караулит где-то. Мне в мгновение становится дурно. Аж до тошноты.

Я жду студентов и стараюсь скрыть своё потрёпанное состояние. А выгляжу я, как самый настоящий мертвец, вылезший из могилы.

Не знаю, как пойду на третью пару, ведь она будет у него. Не знаю, как смогу это вынести. И почему-то время до этого момента, как назло, летит, словно бешенное. Будто поторапливает этот ужасный для меня момент.

Едва зелёные глаза появляются в аудитории, я смотрю в пол. Вообще стараюсь лишний раз не отсвечивать. Я даже решила сегодня никого не спрашивать и не вызывать, просто читать лекцию. Но ощущаю, что и это дастся мне с трудом, потому что в горле пересыхает, и голова кружится, стоит только поймать его голодный взгляд. А он назло его не отводит, просто меня гипнотизирует.

Оторваться от этих чар удаётся только тогда, когда ко мне подходит один из студентов, Ревин. И начинает спрашивать меня что-то по теме. Я объясняю и так благодарна ему, потому что только это способно вытурить из моей головы навязчивый образ студента-переростка с Дьявольскими изумрудами вместо глаз. Он же реально выглядит гораздо старше,

просто я знаю, что ему девятнадцать, потому что слышала, как его поздравляли в прошлом учебном году. В этом мае. И девчонки тогда шептались, что ему исполняется девятнадцать. А на вид так он даже старше. И ещё этот угрюмый напряжённый взгляд. Как выяснилось, он далеко не всегда такой. Во время охоты он заряжается каким-то бешенством. Будто ширнулся чем-то. Надеюсь, он не наркоман.

– Итак, начнём...

Лекция проходит спокойно. Я чувствую себя уверенно. На своего мучителя не смотрю. Избегаю взглядов и любых контактов. Но всё равно чувствую каждый его мажущий и обнажающий.

Радуюсь, когда стрелка на часах движется к концу. Уже хочу убежать, но меня вдруг останавливает Дина Аршавина, спрашивая кое-что по заданному материалу. И мне неизбежно приходится задержаться. Я отвечаю ей, помогаю разобраться, а потом она смотрит на меня испуганным взглядом.

– Елизавета Сергеевна, простите, – шепчет и тут же убегает из кабинета, заставив меня нервно встать со своего места и увидеть в дверях чёртового Ленского.

– Хватит. Давид. Мне не смешно. Ты преследуешь меня. Я пойду в полицию.

– И что? Думаешь... Тебе поверят, что я тебя преследую? Ты серьёзно?

– Да, серьёзно. Отстань от меня. У меня и так есть проблемы. Ты уже не вписываешься.

– Ну, малыш, – шепчет он с ехидной усмешкой на губах. – Это я сам буду решать... Вписываюсь или нет. Твоё дело по-малкивать. – по-хамски сообщает он, приближаясь. А я уже знаю, что убегай от него, что стой как вкопанная, закончится одним и тем же. Так что же тратить силы? Если в этом никакого смысла?

– Ты ненормальный, да? Что тебе нужно?

– Ты знаешь... – встаёт он напротив и смотрит прямо в глаза, а я смотрю в ответ, гордо вздёрнув подбородок, потому что он выше меня головы на полторы точно. – Такая деловая. Так мне больше нравится. – добавляет, рассматривая меня. – Пойдём в одно место сегодня.

– Чего? Нет. Никуда я не пойду.

– Уверена? Хочешь, чтобы я тебя выкрал что ли?

– Я хочу, чтобы ты от меня отстал!

– Пойми, этого не будет. И лучше бы тебе согласиться сразу, а не мотать мне нервы и не ебать мозги, Лиза.

– Ты... Понимаешь, что я – твой преподаватель, да?

Не успеваю произнести, как он щёлкает пальцами прямо перед моим носом, заставив вздрогнуть.

– А ты понимаешь, что вот так же быстро можешь перестать им быть?

Какой же он урод...

– И что... Попросишь отца? Чтобы он уволил меня? Так давай прямо сейчас! Пойдём вместе?! – огрызаюсь я, схватив его за руку, но получается так, что он хватает меня в ответ.

И не за руку, а за задницу, и я тут же начинаю убегать от него по всему кабинету. – Не смей подходить!

В ответ всегда одно – подлый отвратительный смех, от которого мне уже тошно.

– Я тебе... Я... – нахожу в сумку те самые ножницы и угрожающе сжимаю их в руке.

– Ну, давай, полосни, – рыпается он на меня, заставив завизжать, и в аудиторию неожиданно входит Марта Валерьевна. Я тут же опускаю руку.

– А что здесь происходит? – спрашивает она, выпучив на нас глаза.

– Елизавета Сергеевна просто увидела мышь. Ей стало страшно, а я мимо проходил, – заявляет он, пока я оседаю. У меня даже внутри всё сжимается от того, что сейчас здесь произошло.

– Давид, ты иди, – спокойно гонит она его. – Я сама поговорю и успокою Елизавету Сергеевну.

– Хорошо, как скажете, – язвительно проплывает он мимо. – До свидания, Елизавета Сергеевна. – добавляет с усмешкой, а меня колотит.

Но декан смотрит на меня такими суровыми взглядами, словно это я в чём-то виновата, а не он.

– Слушай, Лиза. Ну, ты же взрослая женщина. А тычешь в мальчика ножницами. Что за дурость? Есть жених у тебя?

– Н-н-нет, – заикаюсь я, еле справившись с дыханием.

– Как-то подыграй ему. Подмасли тогда. Он же точно не

отстанет, а мне такие проблемы не нужны. Мне жаль тебя чисто по-женски, но я не могу рисковать своей должностью и в целом факультетом... Скандал ведь может быть.

– Я уже поняла, – отвечаю бесцветным тоном, потому что понимаю, что мне здесь точно никто не помощник...

Хоть мужика себе ищи где-то... На сайте знакомств или где сейчас люди вообще знакомятся?

Найти бы такого, который защитить может. И который бы не пил. Я не привередливая. Мне лишь бы этот Ленский от меня отстал. Раз и навсегда, ибо я уже не выдерживаю. Он мне нервы треплет, как Тузик грелку.

Судорожно собираюсь на следующую лекцию, выбросив пластырь и ножницы в урну. От всей этой ситуации у меня начинается мигрень и все последующие пары я сижу, как не живая с кислым видом.

Хочу снова навестить Настю сегодня. Это всё, что меня радует на этом свете. А больше ничего. Уже даже деятельность не приносит умиротворения, как раньше. Из-за этого психа. Мне даже страшно оставаться дома одной. Какое-то бесконечно веретено кошмаров.

С трудом досиживаю до конца рабочего дня и еду в больницу.

На душе снова тяжёлый груз, а Настя встречает с улыбкой на лице. И я сразу таю.

– Приветик, красавица...

– Привет, сестрёна... Ты как?

– Я-то? Ты как, лучше рассказывай...

– Я хорошо... Этот Паша подходил. Мы общаемся. Он такой классный... У него есть старший брат, представляешь?

– Здорово... Я очень рада. А у него как дела с очередью?

– Ему, кажется, уже назначена операция.

– М-м-м, – молча киваю. Знаю ведь, что жизненные ситуации у всех разные, а всё равно расстраиваюсь, что не могу дать сестре должного лечения. Зависть – плохое чувство... Но я бы всё отдала, чтобы Настя оказалась на его месте.

– Лиз... Не грусти только. Я в порядке, – убеждает она меня, и я стараюсь держаться, но внутри так сильно печёт.

– Насть... Я тебя люблю, малыш.

– И я тебя, Лиза. Очень люблю. Не волнуйся. Уверена, что всё будет хорошо...

Для пятнадцати лет она у меня такая мудрая и добрая... Такая позитивная. А ещё очень красивая. Себя я таковой не считаю. Внешне мы разные.

Она тёмненькая и эффектная, я светленькая и блеклая, если можно сравнивать.

В общем ни рыба, ни мясо... Как про меня говорили некоторые одноклассники. И хоть сестрёнка так не считает, я всё равно не даю своей внешности больше четвёрки из десяти. Поэтому и не понимаю, что тому парню от меня нужно. Я ему явно неровня. Наверное, у него просто тихо шифером шурша, едет крыша не спеша. Других вариантов я не вижу.

– Познакомишь потом с этим своим Пашей? Интересно...

– Угу, завтра познакомя, когда днём придёшь. Вечером мы только на ужине встречаемся и в холле, когда сидим всей толпой, но там уже тебе не разрешат присутствовать...

– Хорошо... Тогда в субботу... Завтра. Идёт, малыш?

– Ага, – улыбается она, обнимая меня на прощание. – Кстати, как там тот студент? Не обижает тебя?

Если бы она только знала... Боже мой.

– Нет, всё нормально, – отвечаю ей перед уходом.

Сердце снова разгоняется, когда вспоминаю. Иду на парковку и застываю. Моя машина подпёрта каким-то здоровенным чёрным внедорожником. И мне совсем не выехать. Ни влево, ни вправо. Он просто отрезал мне проезд.

– Эй – кричу, осматриваясь, но никого не вижу. Стучу в его затонированные окна, но никто не реагирует. Отлично, он ещё и ушёл.

Жду десять минут, пятнадцать, двадцать, а потом вдруг откуда не возьмись передо мной появляется знакомая наглая морда. Меня аж на месте подбрасывает.

– Ты... Совсем уже?

– Чего?

– Это моя сестра! Не смей здесь появляться! Не смей следить за мной! Хватит отравлять мне жизнь! Проваливай!

– Ладно, я тогда пошёл, – он начинает уходить, а я взываю, топнув ногой.

– Давид! – настаиваю грубо. – Отгони машину!

– С чего бы это?!

Смотрю на него и кулаки чешутся.

– Пожалуйста... Отгони. Мне надо домой.

– Хм... Вежливая училка... Мне нравится, – улыбается он, нагло обходя меня стороной и садится за руль. Через секунду отъезжает и становится на свободное соседнее место, как человек. Будто сразу так было нельзя. Хамло неотёсанное.

Я нервно сажусь в свой старый автомобиль и хлопаю дверью, а он показывает на стекло, мол открой. Из чувства вредности я этого не делаю и завожу двигатель, как вдруг дверь в мой салон открывается, и он садится рядом, заставив меня обомлеть.

– Ленский! А ну свалил из моей машины живо!

– Не-а, – наглеет скотина, развалившись на сиденье, пока я смотрю на него дикими глазами. – Чё? Чё ты мне сделаешь?

– Ты издеваешься что ли? Зачем ты всё это делаешь?! Ты понимаешь, что у людей нет времени припираться с тобой! У меня свои дела и мне не до твоих игр! Я занята, блин! У меня есть личная жизнь!

– Нет её, – отвечает нагло.

– Что?

– У тебя нет личной жизни. А того додика, с которым ты была два месяца назад летом я вообще не беру в расчёт. Четыре дня вы с ним мутили... Я же помню.

– Ты... О, Господи...

– М... Что? Сумасшедший? Псих? Ненормальный? Как

ты там ещё меня называла?

Не понимаю... Хотя убейте не понимаю, что с ним не так, что он аж следил за мной вне учебного времени. У меня голова идёт кругом. Он точно поехавший. Может отвезти его в психиатрическое отделение или сразу в полицию???

– Ну чё ты застыла? Мы едем или как?

– Я с тобой никуда не поеду! Выходи!

– Нет. Значит придётся здесь сидеть... Что ж, – деловито произносит он намертво приклеившись к моему сиденью. Чёртов сукин сын...

– Давид, я серьёзно.

– Я тоже. Мы сидим в твоей машине. Я полностью в твоём распоряжении. Вези куда хочешь, малыш. Не ломайся.

– Придурок, – рывкаю я и, наплевав на всё, начинаю движение в сторону дома.

– Вот так бы сразу, – усмехается он, пока я дышу, как ненормальная.

– Ездишь на этой колыхаге... Живёшь в какой-то халупе. Ещё и возникаешь, словно у тебя гонор из всех щелей лезет. Кто тебя манерам учил, а? Елизавета?

– А тебя? Мало того, что кичишься папиными деньгами, так ещё и преследуешь женщину, которая старше тебя на шесть лет, пытаюсь её запугать! Тебе вообще не стыдно?!

– Вот это уже нормальный разговор... Умница моя... Всё правильно сказала.

Я приподнимаю на него бровь и кошусь недобрым взгля-

дом.

– Ты точно больной ублюдок.

– Точно, – соглашается он, разглядывая меня.

– Если будешь пялиться, мы попадём в аварию. Ты тоже пострадаешь.

– Да мне, собственно, похрен. Можешь хоть специально это сделать. До пизды.

– Спасибо, что сообщил. Ещё и отбитый больной ублюдок. Всё с тобой ясно.

Он ржёт, а я вздыхаю.

Господи, спасибо тебе за этого чудесного спутника. Я, конечно, просила ухажёра, но не настолько же придурочного!

– Вылезай! – паркуюсь возле дома.

– Отлично, приглашаешь? – вытягивается он в полный рост, выходя из моего авто.

– Щас ага! Вали! – рывкаю на него, и, по правде говоря, я такая смелая, потому что вокруг люди. И мы не в стенах универа.

Не успеваю убежать, как чувствую его дыхание за спиной. Уже возле подъезда ощущаю, как меня силой туда заталкивают. И мы в момент погружаемся в крошечную темноту первого этажа. Он так близко, что у меня ноги трясутся как у зайца.

– Я не впущу тебя в квартиру, – заявляю я уверенно.

– Ладно, давай здесь, – и секунды не проходит, как он давит меня к холодной бетонной стене. Была бы у меня но-

востройка, это было бы не проверить, но у меня, как он выразился, халупа. И даже лампочка тут горит только на втором этаже, поэтому сейчас я стою, придавленная к стенке, сжимаю его плечи и дрожу, чувствую, как его руки подобно ядовитым змеям ползут по моей спине, опускаясь до самой задницы. Господи, боже, что он творит?!

– Зачем тебе это всё? Я же... Найди себе сверстницу и лапай её, Давид! Уверена, тебе и так дадут потрогать! Отпусти! – пытаюсь выбраться, но знаю же, что бесполезно. Не с нашими габаритами.

– Как мило... Сверстницу говоришь? – хрипит он мне на ухо и начинает больно бодать меня лбом. – От тебя так вкусно пахнет, Лиза.

– Псих! Отпусти!

– А ты расслабься. Не ной только. Ненавижу, когда ноют.

У меня вдруг появляется ужасное желание именно занять, чтобы он отстал от меня раз и навсегда, но сделать это я не успеваю, потому что он каким-то осатанелым яростным порывом находит мои губы в темноте...

И тогда...

Начинается пекло.

Я раньше не знала, что так бывает. Что люди вообще способны так целовать, потому что от его поцелуев болит абсолютно всё. Словно он клеймит меня раскалённым металлом. Повсюду. Давит с такой мощью, что я затылком могу проделать дыру в несущей стене подъезда. Ноги болят от встряски.

Руки от сопротивления. Губы от его щетины и зубов, которые буквально вгрызаются в мои до крови. Чёрт, я полностью пропитана его сатанистским вкусом. А он вдруг неожиданно припечатывает меня пахом, взбивая кверху своими массивными бёдрами, и я пишу в его рот.

В какой-то момент я перестаю дышать от этих его телодвижений. Кажется, что он в лёгкую способен изнасиловать меня прямо здесь, а я пикнуть не успею. Перед глазами всё кружится. И неожиданно соседка открывает дверь на первом этаже. В этот самый момент он, не дождавшись моей реакции, уходит прочь, будто его вообще здесь не было. Подъездная дверь закрывается за ним с мощным грохотом.

А я вся горю, пытаюсь подниматься по лестнице вверх до своего второго этажа. Ноги как не мои. Не слушаются. Я вообще не чувствую тела. Господи, что это такое было? И как избавиться? Как прекратить этот блуд?!

Я явно не в себе, если, чувствуя этот вкус ментола, меня не тошнит, а наоборот. У меня внутри словно что-то щёлкает. В моём животе. Я только одного боюсь до смерти. Того, отчего мозг категорически отказывается. Я не верю... Нет, нет и нет. Только не это.

Домой еле захожу, закрывая за собой дверь на щеколду. Лицо горит. Смотрю в зеркало, а губы все искусанные, красные и воспалённые, словно их только что кто-то жрал. Хотя так и было, чёрт. Как завтра идти к Насте в больницу с этим ужасом?! Надеюсь, что всё быстро пройдёт... Иначе я не пе-

реживу этого стыда. Просто не справлюсь. До сих пор всю трясёт и даже есть не хочется после тяжёлого рабочего дня и больницы. Хочется удавиться!

«Ладно, давай здесь»... Проносится шёпотом в моём, очевидно инфицированном, мозгу на репите. И я иду в ванную, а уже там... Понимаю, что со мной всё не в порядке. Совсем не в порядке... Приходится переодеваться. Лишь бы не думать о нём. Я меняю нижнее бельё. И чувствую себя в капкане.

Боже, надо выдохнуть. Надо всё с себя смыть, поужинать и полностью забыться, потому что это вовсе не смешно... Так нельзя. Он – больной на голову человек. Да вдобавок он учится у меня. Ещё и сын министра, Боже мой!

Господи, дай сил всё это преодолеть.

Вечером паранойя одолевает ещё сильнее. Я хожу к входной двери и прислушиваюсь. Смотрю в глазок по сто тысяч раз, как будто у меня обсессивно компульсивное расстройство. Я никогда не была такой мнительной, но сейчас у меня чувство, словно он везде.

В углу, на потолке, в моей голове, под моей кожей. Он точно заразил меня чем-то и скоро я умру. Эта паника сильнее всего, что со мной происходило.

Я схожу с ума, будто в меня вселилась тысяча демонов и раздирают меня изнутри.

Ложусь спать только в три часа ночи. И то, потому что меня просто вырубают от бессилия. Но...

Даже тогда мне снится этот ядовитый поцелуй, который оставил метки у меня на коже. Почему у меня чувство, будто я впервые по-настоящему целовалась? Как же стыдно...

Стыдно, что такой животной страсти я в принципе никогда до него не встречала. Поэтому и чувствовала всё, как сеанс экзорцизма, а не как поцелуй.

За что он так со мной?! Как мне теперь у него преподавать? Как вспомню его твёрдый... В штанах... И всё это безумие, так мне плохо становится.

Абсолютно уничтоженная и униженная я прусь к Насте в больницу, кое-как замазав губы тональным. И то лично мне всё понятно, словно я их в какую-то трубу засунула или стояла на морозе три часа подряд и облизывала, как дура. Тут и слепой поймёт, что произошло.

Выдыхаю, стараясь скрыть напряжение и прямо в коридоре меня перехватывает Таисия Андреевна.

– Пройдёте сначала ко мне, Насте всё равно капельницу ставят.

– Хорошо.

Оказавшись с ней в кабинете, сажусь и жду, что она мне скажет, а она подносит мне бумаги.

– Подпишите. Завтра-послезавтра будем оперировать.

– Что? В смысле? Очередь подошла?

– Да, подошла, – кивает она, а у меня сердце не на месте...

– Господи... Я думала, что ждать целые месяцы... Боже мой... Слава Богу. Спасибо огромное... И есть все шансы?

– Да, есть. Донор подходит. Идеальная группа крови. Необходимо ещё сделать гемодиализ. То есть очистить кровь от токсичных веществ. Но уверена, всё пройдёт хорошо, и скоро Настенька поедет домой... Будет учиться. Всё будет хорошо.

Не сдерживая слёз, я вцепляюсь руками в эту святую женщину. У нас нет мамы, но я по ней скучаю, так же, как и Настя. А такие специалисты в наше время редкость. Которые относятся к пациентам, как к родным.

– Спасибо Вам, спасибо.

– Не за что, Лиза. Это моя работа.

– Нет, Вы святая... Точно святая, – бубню я себе под нос, улыбаясь.

Когда все документы готовы, я просто сияю от счастья. Забываю про губы. Вообще про всё забываю. И мчу на крыльях радости к своей младшей сестре.

– Привет! Тебя прооперируют на днях, малыш!

– Привет, реально? Как?!

– Не знаю, девочка... Сказали – нашли донора. Очередь подошла...

– Лиза... Господи, мне страшно.

– Ну чего ты... Мы так долго ждали. Не бойся, я с тобой... Всегда с тобой.

Обнимаю сестру и реву, заметив на столе новый букет и смешного плюшевого бурундука.

– Какая прелесть, – смеюсь я, и она отрывается от меня,

вытирая слёзы.

– На этот раз с запиской, – говорит она, усмехнувшись.

– Да? И что пишут?

Она протягивает мне бумажку, а я разворачиваю.

– Не знаю даже, мне кажется, меня с кем-то перепутали...

«Слишком темно было, да? Надо бы повторить при свете».

Глава 2.

Я в момент перестаю дышать, глядя на эти цветы и на сестру. Мне кажется, мои глаза сейчас вылезут из орбит от возмущения, а сердце вылетит из груди наружу. Но не могу ведь я ей рассказать. Это может напугать её. А нам это не надо.

– Лиз, ты чего? Как побледнела вся... Эй...

– А... Да... Всё хорошо...

Поворачиваю голову и смотрю на целый склад этих плюшевых зверей и поверить не могу. Это всё бред какой-то... Дурдом. Точно. Господи, он выжил из ума.

– Лиинииизаааа, – зовёт меня сестра, а у меня по всей коже бегут мурашки, потому что я повторяю слова из записки его голосом, который, кажется, уже отпечатался у меня на подкорке. Как мне вынести то, что он со мной делает? А самое главное... Зачем он это делает?

– А к тебе никто не приходил, милая?

– Эм, нет... А кто ко мне придёт? – смеётся сестра. – Ну... Разве что были одноклассники и всё. Больше никого. И то сегодня только Варя была.

– Понятно, а подарки тебе передаёт медсестра, верно?

– Да, но она не знает, кто их отдаёт. Я пыталась. Она говорит оставляют на стойке регистрации.

Вот сучоныш... Вряд ли кто-то даст мне просмотреть камеры. Какой же он гад.

– Понятно... Как ты себя чувствуешь?

– От новости, что меня тоже прооперируют, хорошо, конечно. Может даже с Пашей потом встретимся вне больничных стен, – добавляет сестра, улыбнувшись. А мне сейчас не просто не по себе, а морозит. Материализовавшейся дрожью катятся вниз каменные мурашки.

Так и знала, что он буквально везде вокруг, но не думала, что настолько.

– Обязательно встретитесь, – подбадриваю я сестру.

Сегодня прекрасный день, что касается операции. Я очень счастлива и даже мысли о Давиде не могут испортить моего приподнятого настроения. Я буквально витаю в облаках от положительных эмоций.

Выхожу из больницы, чувствуя себя растаявшей льдинкой. Со страхом просматриваю парковку, но, хвала небесам, его там не вижу. Сажусь в машину и уезжаю домой...

Скорее всего в понедельник утром будет проходить операция, значит, нужно будет заранее отпроситься, чтобы сидеть там... Мало ли что.

Подъезжая к дому, выдыхаю. Сегодня не день, а чистое спокойствие... Если не считать ту записку.

Но едва я захожу в подъезд, как тяжёлая рука в мгновение перекрывает мне доступ в лестнице.

– Привет.

– Господи... – чуть ли не выплёвываю собственное сердце. – Ты как здесь, Жора?! – выкрикиваю излишне эмоцио-

нально.

– Да я мимо проездом, вот решил зайти, помню же, где ты жила... Ты чего такая пугливая стала? Обидел кто? – спрашивает мой одноклассник и хороший друг, с которым мы много общались, но потом он переехал в соседний город, и мы потеряли связь. Давно я его не видела, а тут такое неожиданное появление.

– Да никто меня не обижал. Идём. Чаем напою.

– Идём.

Я рассказываю Гоше о матери и о сестре. Естественно, для меня всё это огромный удар. Столько боли мы пережили за эти два года. И он из добрых побуждений начинает доставать мне деньги.

– Ты что?! Гоша, забери, я обижусь! – тут же возникаю, выставив ладони вперёд.

– Лиз, слушай. Мне жаль, что я потерялся вот так. Но у тебя беда на беде. Возьми, тебе нужнее. Я же ничего за них не прошу. Пожалуйста, возьми. Я дальнобойщик, семьи нет, хули мне эти бумажки?! Бери говорю, – настаивает он, а мне так неловко, что я готова провалиться сквозь землю.

– Спасибо тебе, Гош. У тебя всегда было чистое доброе сердце.

– Ага, скажешь тоже, – отшучивается он, и мы вместе ужинаем. Полноценно. Я же всё-таки готовлю. Умею, как ни крути. Болтаем, вспоминая былые времена в школе и остальных одноклассников.

– Спасибо, давно домашнего не ел.

– Рада была услужить, – говорю, улыбнувшись. – Ну, тогда споемся, созвонимся?

– Ага, я почапал... Всего тебе, мартышка, – заявляет перед уходом, припоминив моё старое прозвище. А я кривлю губы. Так оно мне не нравилось. Но я всё равно тепло о нём вспоминаю, как и о большинстве одноклассников.

Закрываю за ним дверь и прислоняюсь к двери спиной, вздыхая. Только собираюсь идти мыть посуду, как в дверь стучат, и я уж было думаю, что Гоша что-то забыл, поэтому бездумно открываю, а меня буквально силой проталкивают внутрь, прислоня к стене. Какая же я дура!

У меня тут же сердце падает в ноги. Это просто тот самый ужас, которого я больше всего боялась. Патовая ситуация...

– Кто это?! – спрашивает Давид, сжимая челюсть, а его рука тем временем давит на мою шею, точно оставляя на ней грубые следы. У меня даже глаза слезятся от того, в какое дерьмо я вляпалась. И не заори сейчас, и ничего толком не сделай ему.

– Не твоего ума дело, – хриплю, пытаюсь разжать его пальцы. Бью по грудной клетке, по лицу, да везде, где могу, но эти жалкие попытки нельзя назвать полноценными ударами. У него такая хватка, что любой бы позавидовал. Так и стою перед ним, еле дыша, вдыхая воздух из последних сил. Слово уже синею.

– Кто. Это. Был, – с расстановками повторяет, словно вса-

живает в моё нутро пули. – Я записал номер тачки, Лиза...
Ответь по-хорошему.

Пыхчу, что есть силы.

– Одно...Классник...

– И чё ему надо от тебя? Однокласснику?

– Отпусти!

– Отпущу, а ты скажи мне. Он тебя трогал?

– Нет, блин! – толкаю его от себя, и чудом хватка ослабевает, а я тут же касаюсь своей шеи. Болит... – Какой же ты урод! Меня трогаешь только ты! При чём против моей воли! Отцепись от меня! Уйди из моей квартиры!

– Никуда я, блядь, не уйду. То есть, его ты с удовольствием позвала внутрь, постороннего, нахуй, тебе мужика, с которым вы в школе, блядь, учились шесть лет назад, а Давид, уйди... Заебись ты устроилась!

Поверить не могу. Он кидает мне такую предьяву, как будто я давала ему повод так себя вести и трогать меня. Кажется, у меня сейчас челюсть до пола отвиснет от возмущения.

– Ты совсем больной?! Уйди отсюда! Ты мне никто, блин! Совсем уже поехал крышей?! – пытаюсь вытолкать его наружу, но он стоит как вкопанный и не шевелится. Эти глаза, будто обезумевшие смотрят на меня сверху вниз, как на таракана. Мне кажется, он готов меня раздавить.

– У тебя что-то с этим хуем когда-то было?

– Слушай... Ленский, ты русского языка не понимаешь?

Вали говорю из моего дома! Аййй, – чувствую острое жжение на голове. Этот придурок схватил меня за волосы. Чёртов ублюдок. – Если думаешь, что причиняя мне боль, я охотнее стану с тобой разговаривать, ты ошибаешься, шизанутый!

– Да ты сама, блядь, провоцируешь! И сама шизанутая! На всю голову припизднутая!

– Пошёл ты! – вцепившись в него ногтями, царапаю его руки в районе кистей, оставляя на них кровавые борозды. А меня тут же вдавливают в шкаф и прибивают над головой мои руки.

– Отпусти!

– Пфффф... Заело что ли пластинку? Где она там у тебя вставляется – бессовестная ладонь крадётся к моей заднице, а потом... Она ныряет прямо в штаны, и я начинаю брыкаться не на жизнь, а на смерть, пытаюсь ударить его лбом.

– Да успокойся ты, я пошутил...

– Не трогай меня, сволочь! Больше не приближайся! И к Насте в больницу не приходи! Не оставляй свои цветы и игрушки, ты совсем уже обезумил! Это ребёнок! Я посажу тебя, тварь!

– И что плохого в том, что я оставляю ребёнку цветы и игрушки? – спрашивает, тяжело дыша передо мной. Мы замерли в метре друг от друга и пыхтим на всю мою прихожую. – Ты бы хотела их от одноклассника получать?

– Уходи, Давид. Уходи! – настаиваю, и нет никаких мо-

ральных сил с ним сражаться. Меня на месте подрывает от его наглости и вседозволенности. Не понимаю, как можно быть таким бесчувственным и охреневшим мудаком.

Что с ним не так?

– Поцелуешь – уйду. Тебе же понравилось...

– Щас, разбежалась. Уходи иначе зарежу тебя к чертям!

– Ух ты... Раздухорилась-то как... Ну давай, режь, – подставляет он шею. – Я вообще ни хрена делать не буду. А ты режь. Вот сюда. Смотри, – хватает он мою руку и подносит к своей коже. – Это яремная вена. Сюда втыкай. Ну или можешь сразу артерию, покажу. Неси нож.

Как же меня от него бомбит... Господи...

Я таких даже в фильмах не видела. Он ещё страшнее Энтони Хопкинса в Молчании ягнят, блин.

– Что мне сделать, чтобы ты от меня отстал? – спрашиваю дрожащим голосом и не могу устоять на ногах, это он меня держит. Если отпустит – сразу упаду замертво прямо здесь.

– Я никогда от тебя не отстану, малыш. Даже не надейся.

– Ты сумасшедший, да? – чувствую, что начинаю терять сознание... Перед глазами всё мельтешит, и я просто вырубаясь прямо у него на руках от пережитого стресса.

Просыпаюсь на кровати и вздрагиваю, осматриваясь. К горлу подкрадывается ком, потому что он сидит на кресле напротив и смотрит на меня.

– Не мог оставить тебя в таком состоянии, извини...

Едва услышав это, я тут же вздрагиваю и щемлюсь к стене, обхватив свои колени руками.

– Что ты... ты трогал меня? Ты меня... Ты...

– Нет, я тебя не трогал. Я кто, по-твоему?

– Псих, кто же ещё! – выпаливаю я в ответ озлобленно и обхватываю себя уже за плечи. Вроде бы не ощущаю никаких лишних признаков прикосновений. Только те, что и так оставил он...

– Дорогая, ты, походу, психов не видела... Я ничего такого с тобой не делал... Ты просто протестуешь, а я показываю тебе, что бесполезно... То есть... ломаю твоё сопротивление, – заявляет он, встав с кресла и расхаживая по комнате.

– Ты совсем уже! Называй как хочешь! Но ты проник в мой дом без разрешения! Ты преследуешь меня в универе! В больнице! В подъезде! Ты... Чёртово животное, Ленский!

– Бляяядь... Тебя послушать, так я реально псих... Может вызовешь спец бригаду, а?

– Может и вызову!!! А если узнаю, что трогал меня!

– То, что, малыш? – заставляет он меня пыхтеть.

– Убью тебя. Голыми руками убью! – нападаю на него, налетая, и тут же понимаю, что сделала это зря, потому что оказываюсь под ним, придавленная к кровати. А он тяжело дышит. Забирается на меня с ногами и давит, заставляя полностью под ним растечься.

– Здесь удобнее будет, да? Тебе так тоже кажется? – ведёт свою руку под мою кофту, а я начинаю орать, и мой рот тут

же запечатывают снова... Наглый язык хозяйничает внутри. А я не могу пошевелиться. Как дура лежу и позволяю ему целовать. Да не просто целовать, а терзать меня, раздирая на части моё и без того растоптанное эго. Он меня совсем извратил и превратил в какую-то тряпичную куклу. Брыкаюсь под ним, но скалу не сдвинуть. Я, словно бабочка, делаю какие-то бессмысленные попытки, от которых только быстрее выдохнусь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.